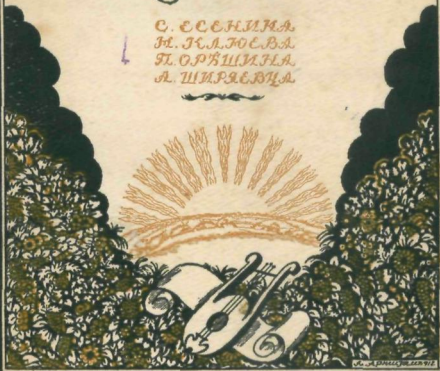

Кл $\frac{24}{132}$

КРАСНЫЙ ЗВОНЪ

СТИХИ

С. ЕСЕНИНА
М. КАМЕНЕВА
Л. ОРШИНА
А. ШИРЯЕВА

Кл $\frac{24}{132}$

98
Кл

КРАСНЫЙ ЗВОНЪ.

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ.

С. ЕСЕНИНА.

Н. КЛЮЕВА.

П. ОРЪШИНА.

А. ШИРЯЕВЦА.

СО ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ
ИВАНОВА-РАЗУМНИКА.

ПЕТРОГРАДЪ.

ИЗД. Т-ВО «РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ».

1918.

Обложка и концовка работы А. Арштамъ.

Тип. Ю. Я. Римана. Петр., 4-я Рождеств., 33.

Иванов-Разумникъ.

ПОЭТЫ И РЕВОЛЮЦІЯ.

1.

Отчего это такъ случилось: въ дни революціи стали громко звучать только голоса *народныхъ* поэтовъ? И притомъ «народныхъ» въ смыслѣ не только широко, но и узко: Клюевъ, Есенинъ, Орѣшинъ—поэты *народные* не только по духу, но и по происхожденію, недавно пришедшіе въ городъ съ трехъ разныхъ сторонъ крестьянской великой Россіи, съ поморья, съ поволожья и «съ рязанскихъ полей коловратовыхъ». Такъ вотъ: почему, спрашиваю я, только ихъ голосъ громко прозвучалъ въ «грохотѣ громовъ» великой революціи, которую такъ усердно стараются сдѣлать малой всѣ мѣщане отъ обывательщины и отъ социализма?

Клюевъ—первый народный поэтъ нашъ, первый, открывающій намъ подлинныя глубины духа народного. До него, за три четверти вѣка, Кольцовъ вскрылъ лишь одну черту этой глубинности, открылъ передъ нами народную поэзію земледѣльческаго быта. Никитинъ, уже болѣе блѣдный, Суриковъ, Дрожжинъ, совсѣмъ уже поэтически безпомощные—вотъ и всѣ наши народные поэты. Клюевъ среди нихъ и послѣ нихъ—подлинно *первый* народный поэтъ; въ болѣе слабыхъ первыхъ своихъ сборникахъ и во все болѣе и болѣе сильныхъ послѣднихъ—онъ вскрываетъ передъ нами не только удивительную глубинную поэзію крестьянскаго обихода (напримѣръ, въ «Избяныхъ пѣсняхъ»), но и тайную мистику внутреннихъ народныхъ переживаній («Братскія пѣсни», «Мірскія думы», «Новый псаломъ»). И если не онъ

то кто-же могъ откликнуться изъ глубины народа на грѣхотъ громовъ и войны и революціи?

На войну онъ откликнулся почти никѣмъ не понятнымъ «Бесѣднымъ наигрышемъ», въ которомъ такъ удивительно вскрылъ стародавнюю народную правду объ исконной борьбѣ «земли» съ «желѣзомъ». Рядъ не менѣ глубокихъ стихотвореній на ту же тему въ «Мірскихъ думахъ», (а также и въ кругѣ стиховъ «Земля и желѣзо» въ первомъ сборникѣ «Скифы») — были единственнымъ подлиннымъ дуновеніемъ поэзіи среди безчисленныхъ виршей о войнѣ, надуманно вымученныхъ даже знаменитѣйшими нашими поэтами, за исключеніемъ двухъ-трехъ.

И на революцію отозвался онъ хоть немногими, но глубокими и подлинными строками. «Красная пѣсня» его — единственный народный революціонный гимнъ (какъ ни неудачна попытка — вложить его въ такты Марсельезы). Ибо революція для него, народно-глубиннаго поэта — не внѣшнее только явленіе; онъ переживаетъ ее изнутри, какъ поэтъ народный; за революціей политической, за революціей соціальной онъ предчувствуетъ и предвидитъ революцію духовную. И, стремясь къ послѣднимъ достиженіямъ, онъ зоветъ «на бой» за первыя приближенія.

Есенинъ — много моложе Клюева, пути его еще впереди; но почти все, сказанное здѣсь о поэзіи революціи, можно повторить и о немъ, о его поэтическомъ творествѣ. На войну онъ отозвался «Маршей Посадницей» — первой революціонной поэмой о внутренней силѣ народной, написанной еще въ тѣ дни (сентябрь 1914 года), когда почти всѣ наши большіе поэты — исключеній мало! — восторженно воспѣвали внѣшнюю силу государственную. И цѣлый кругъ поэмъ («Товарищъ», «Пѣвущій зовъ», «Отчаръ») явились въ дни революціи единственнымъ подлиннымъ проявленіемъ народного духа въ поэзіи — ибо и этотъ поэтъ чувствуетъ и принимаетъ революцію изнутри, а не извнѣ. Пути его, повторяю, еще впереди; но и въ дни революціи стоялъ онъ впереди другихъ, болѣе знаменитыхъ, но имѣвшихъ меньше

права на поэтическое слово. Ибо право это—не берется талантомъ, а дается подлиннымъ внутреннимъ чувствомъ поэта.

Орѣшинъ—давно уже пробовалъ свои силы (въ «Завѣтахъ» 1913 года), но только съ революціей силы эти окрѣпли; онъ написалъ длинный рядъ «революціонныхъ» стихотвореній (напечатаны въ петербургскихъ «эсъ-эровскихъ» газетахъ). И онъ подлинный народный поэтъ, но, сравнительно съ предыдущими—безмѣрно менѣе сложный по формамъ поэтическаго творчества. Клюевъ не только «народный поэтъ», но и бессознательный утонченнѣйшій техникъ; Есенинъ въ позднѣйшихъ своихъ вещахъ идетъ по этому же пути обогащенія формы. Форма же эта всегда является отраженіемъ и проявленіемъ сущности духа. Клюевъ—поморье, Орѣшинъ—поволжье, съ его бурнымъ революціоннымъ вихремъ, не проникающимъ однако вглубь явленія. Если у Клюева революція духовная, социальная, политическая сплетены въ одинъ космическій вихрь, если у Есенина глубоко и исконно переплетены въ вихрь революція духовная и политическая, то Орѣшинъ, (такъ-же какъ и во многомъ родственннй ему другой «поволожскій» поэтъ, Ширяевецъ) захваченъ лишь одной стороною этого вихря—революціей социальной. Но въ этомъ кругѣ вихря—переживанія его искренни, переживанія его подлинны, и настолько же искренне и подлинно его поэтическое творчество. Вотъ почему о революціи имѣетъ право слагать свои простыя пѣсни онъ—и не имѣютъ этого права неизмѣримо болѣе знаменитые поэты, революціонныя стихосложенія которыхъ о «Землѣ и Волѣ» читаешь порою съ тѣмъ же стыдомъ, съ какимъ раньше читалъ ихъ же воинственныя версификаціи.

Подлинность переживаній—вотъ то малое (и великое), что дало силу голосамъ народныхъ поэтовъ въ дни революціи. И знаменательно то, что почти всѣ «городскіе поэты» такъ же постыдно провалились на революціи, какъ и на войнѣ. Кто, кромѣ народныхъ поэтовъ, сказалъ о войнѣ сильное слово, которое хоть немного запомнится? Не

Бальмонтъ, не Брюсовъ, не Сологубъ, а развѣ только (въ поэмѣ «Война и Миръ») единственный небездарный футуристъ, Маяковский, ломовой извозчикъ поэзіи. Еще два-три подлинныхъ большихъ поэта нашихъ—молчали; ихъ слова—впереди; быть можетъ еще не скоро, черезъ годы; подлинныя переживанія ихъ воплотятся въ звукъ и слово. Такъ о войнѣ; такъ и о революціи. Кто о ней сказалъ въ поэзіи подлинное слово, кромѣ народныхъ поэтовъ?

И, повторяю—знаменательно, что лишь у нихъ оказалась подлинность поэтическихъ переживаній въ дни великой революціи. Ихъ устами *народъ* изъ глубины Россіи откликнулся на «грохотъ громовъ». Отчего же были въ эту минуту закрыты уста большихъ нашихъ городскихъ поэтовъ, а если и были открыты, то непереносно фальшивили? Не потому ли, что устами этими откликался не великій народъ, а мелкодушный мѣщанинъ, *Обиватель*?

2.

Мы издавна знаемъ: поэту—нѣтъ отзвука, онъ—гласъ вопіющаго въ пустынѣ, святая святыхъ его—смѣшно и никчемно для «толпы», и часто надъ нимъ «ругается слѣпой и буйный вѣкъ». Самъ же онъ, поэтъ, откликается «на всякій звукъ», онъ внемлетъ и «грохоту громовъ» войны и мирной «пѣснѣ дѣвы за холмомъ», онъ идетъ дорогою свободной куда влечетъ его свободный умъ... Относится это, конечно, лишь къ «великому» поэту. Но вѣдь всякій подлинный поэтъ—всегда поэтъ великій, хотя бы въ узкой области своего дарованія.

Все это такъ, но надо договорить до конца и вторую половину «истины о поэтѣ»: часто самые великіе изъ нихъ бываютъ не только въ жизни, но и въ своей поэзіи, малодушно погружены «въ заботахъ суетнаго свѣта»; часто поэтъ и въ жизни и въ поэзіи—ничтожнѣй всѣхъ «межъ

дѣтей ничтожныхъ міра»; часто при «грохотѣ громовъ» онъ именно въ поэзіи первый «къ ногамъ народнаго кумира» клонить свою голову...

Пришла война—кто первый склонилъ голову къ ногамъ кумира войны? Пришла революція—кто первый передъ нею преклонился? Придетъ «контръ-революція» — кто первый «пѣтушкомъ, пѣтушкомъ» побѣжитъ за ея дрожками, на которыхъ поѣдутъ Городничій и Хлестаковъ подъ охраною Держиморды? Все онъ же, подлинный поэтъ, великій въ маломъ, малый въ великомъ. Великіе въ великомъ—не преклонятся, не пойдутъ; но много-ли ихъ?

Слишкомъ чутокъ поэтъ и не можетъ не откликаться «на каждый звукъ»; часто слишкомъ слабъ онъ, и сила стихіи его увлекаетъ; въ силѣ видитъ онъ красоту—и сила красоты его покоряетъ. Война, высшее проявленіе государственной силы, заставляетъ его слагать ей гимны; революція, высшее проявленіе силы народной, покоряетъ его своей власти. Многие ли поэты и художники сумѣли не склонить своей головы передъ міровой войной нашихъ дней? Многие ли изъ нихъ устояли противъ вихря духовно чуждой имъ революціи?

Ибо надо признать откровенно: громадному большинству нашихъ поэтовъ стихія революціи чужда и враждебна. Демократія для нихъ—«толпа», исконный ихъ врагъ, бурный и тяжелый путь революціи слишкомъ труденъ для нихъ, слишкомъ непосилентъ; испытанія въ грозѣ и бурѣ революціи не могъ выдержать почти ни одинъ изъ нихъ. Я знаю, есть исключенія; но, еще разъ,—много ли ихъ?

Я знаю еще и другое: всѣ поэты считаютъ себя подлинными революціонерами духа; для нихъ всякая внѣшняя революція слишкомъ «мелка», слишкомъ матеріальна; они смотрятъ глубже, они видятъ дальше, они неудовлетворяются малымъ. Опять спрошу: многие ли изъ поэтовъ *имѣютъ право* на такое оправданіе? Ибо для громаднаго большинства—доля правды здѣсь покрыта густымъ слоемъ либо самообмана, либо лицемѣрія.

Въ первые дни революціи всё поэты и художники стали вдругъ революціонерами. Тягостное это было зрѣлище и постыдное. Ибо слишкомъ хорошо чувствовалось, что лишь немногіе и немногіе изъ нихъ имѣли на это право. Перевѣе еще не истудили, которыми писали они дифирамбы войнѣ, еще голоса и восторженнаго выраженія лица не измѣнили, съ которыми славословили міровую бойню—и сразу запѣли гимны революціи, хвалу красному Интернаціоналу, славословіе народу...

А гдѣ же были они, когда этотъ же народъ преступно и бессмысленно обрекался на гибель въ теченіе трехъ лѣтъ? Во всей Европѣ нашелся только одинъ, хотя и второстепенный, но подлинный художникъ слова, не пріявшій братскаго самоистребленія народовъ. Это былъ Ромэнъ Ролланъ, возросшій на русской закваскѣ толстовства. Прибавьте къ нему двухъ - трехъ нѣмцевъ, англичанъ и итальянцевъ — и итогъ будетъ почти полонъ. Два-три русскихъ поэта—подлинныхъ, большихъ поэта—хранили упорное молчаніе, гѣмъ болѣе краснорѣчивое, чѣмъ больше дифирамбовъ раздавалось вокругъ.

И они же хранятъ молчаніе теперь, во время революціи; они чувствуютъ, они знаютъ, что если не могли они воспѣвать войну за сотни верстъ отъ окоповъ и смерти, то еще труднѣе, еще непереноснѣе—*быть Тиртеями тыла революціи*, славить или поносить революцію, будучи лишь безвольными зрителями ея. Ахъ, много слишкомъ много у насъ тыловыхъ Тиртеевъ и войны, и революціи; но отрадно знать, что хоть нѣсколько подлинныхъ художниковъ молчатъ въ эти минуты стаднаго и постыднаго «тыловаго» поэтического творчества.

И какъ разъ эти художники впоследствии первые *будутъ имѣть право* говорить и о войнѣ, и о революціи. Ибо глубоко переживаютъ и собираютъ они въ своемъ молчаніи тѣ чувства, которыя тыловые поэты спѣшно расточаютъ въ легковѣсныхъ словахъ.

А всё остальные? Остальные—Тиртеи войны, «умѣрен-

ной» революціи и всего того, что пріемлетъ *Обыватель*, міровой мѣщанинъ. Это онъ говоритъ устами даже большихъ нашихъ поэтовъ, столь дѣховно малыхъ въ своемъ поэтическомъ величіи. И отраднo знать, что устами подлинныхъ народныхъ поэтовъ говорятъ глубинная сила земли, которой въ будущемъ вѣчная уготована побѣда.

Ивановъ-Разумникъ.

КРАСНЫЙ ЗВОНЪ.

Николай Клюев.

КРАСНЫЯ ПѢСНИ.

* * *

Распахнитесь орлиныя крылья,
Бей набать и гремите грома,—
Оборвалися цѣпи насилья
И разрушена жизни тюрьма!
Широки черноморскія степи,
Буйна Волга, Уралъ златорудъ,—
Сгинь кровавая плаха и цѣпи,
Каземать и неправедный судъ!

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами,—
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Пролетѣла надъ Русью жаръ-птица
Ярый гнѣвъ зажигая въ груди...
Богородица наша Землица—
Вольный хлѣбъ мужику уроди!
Сбылись думы и давніе слухи|
Пробудился Народъ-Святогоръ;
Будетъ медъ на домашней краюхѣ,
И на скатерти ярочь узоръ.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами,—
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлѣбъ да соль, Костромичъ и Волынецъ,
Олончанинъ, Москвичъ, Сибирякъ!
Наша Волюшка—Божій гостинецъ—
Человѣчеству свѣтлый маякъ!
Отъ Байкала до теплаго Крыма
Расплеснется ржаной океанъ...
Ослѣпительнѣй ризъ серафима
Заревой Святогоровъ кафтанъ.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами,—
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте-жъ свѣчи Мужичькому Спасу!
Знанье—братъ, и Наука—сестра,—
Ликъ пшеничный, съ брадой солнцевласой,—
Воплощенье любви и добра!
Оку Спасову сумракъ не сносятъ,
Ненавистенъ телецъ золотой;
Китежъ—градъ, ладанъ Саровскихъ сосенъ—
Вотъ нашъ рай вождедѣнный, родной.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами,—
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

Вѣрьте-жъ, братья, за чернымъ ненастьемъ
Блещетъ солнце—Господне окно;
Чашу съ кровью—всемирнымъ причастьемъ
Намъ испить до конца суждено.

За Землю, за Волю, за Хлѣбъ трудовой
Идемъ мы на битву съ врагами,—
Довольно имъ властвовать нами!
На бой, на бой!

* * *

Изъ подваловъ, изъ темныхъ угловъ,
Отъ машинъ и печей огнеглазыхъ
Мы возстали могучѣй громовъ,
Чтобъ увидѣть все небо въ алмазахъ.
Уловить серафимовъ хвалы,
Причаститься изъ Спасовой чаши!
Наши юноши—въ тучахъ орлы,
Звѣздъ задумчивѣй дѣвушки наши.

Городъ-дьяволъ копытами билъ,
Устрашая насъ каменнымъ зѣвомъ.
У страдальческихъ теплыхъ могилъ
Обручились мы съ пламеннымъ гнѣвомъ.
Гнѣвъ повелъ насъ на тюрьмы, дворцы
Гдѣ на правду оковы ковались...
Не забыть, какъ съ дѣтьми отцы
И съ невѣстою милый—прощались...

Мостовыя расскажутъ о насъ,
Камни знаютъ кровавыя были...
Въ золотой, побѣдительный часъ,
Мы сраженныхъ орловъ схоронили.

Поле Марсово—красный курганъ,
Храмъ побѣды и крови невинной...
На державу лазоревыхъ странъ
Мы помазаны кровью орлиной.

Сергій Есенинъ.

СТИХОСЛОВЪ.

Помяни меня каплями дождевыми,
яко стрѣлами пронизаема.

Даніилъ Заточникъ.

МАРѢА ПОСАДНИЦА.

Не сестра мѣсяца изъ темнаго болота
Въ жемчугѣ кокошникѣ въ небо запрокинула,—
Ой какъ выходила МарѢа за ворота,
Письменище черное изъ дулейки вынула.

Расколосся зыками колоколѣ на вѣчѣ,
Замахали кружевомъ полотнища зорнїя;
Услыхали Ангелы голосъ человѣчїй,
Отворили наскоро окна-ставни горнїя.

Возговоритъ МарѢа голосомъ серебряно:
— Ой ли внуки Васькины, правнуки Микуды!
Грамотой Московскою изволью повелѣно
Выгомонить вольницы бражные загулы!

Заходила буйница выхвали старинной,
Бороды какъ молнїи выпячили грозно:
— Что намъ Московїя, какъ поставникѣ блинный!
Тамъ боярь-те жены хлыстають загозно!

МарѢа на крылечко праву ножку кинула,
Лѣвой помахала каблучкомъ сафьяновымъ:
— Быть такъ,—кратко молвила, черны брови сдвинула,—
Не ручьи брызгатели выцвѣтнямъ росяновымъ...

* * *

Не чернецъ бесѣдуетъ съ Господомъ въ затворѣ—
Царь Московскій Антихриста вызываетъ:
— Ой Вѣльзевуле, горе мое, горе,
Новгородъ мнѣ вольный ногъ не лобызаеть!

Вылѣзь изъ запечья сатана гадюкой,
Въ пучеглазыхъ бѣльмахъ исчаждье ада:
— Побожися душу выдать мнѣ порукой,
Иначе не будетъ съ Новгородомъ слада!

Вынулъ онъ бумаги — облака клокъ,
Далъ ему перо — отъ молніи стрѣлу.
Чиркнулъ царь кинжалищемъ локотокъ,
Расчеркнулся, и зажалъ руку въ полу.

Зарычить Антихристъ зѣмнымъ гудомъ;
— А и сроку тебѣ, царь, даю четыреста лѣтъ!
Какъ пойдетъ на Москву заморскій Іуда,
Тутъ тебѣ съ Новгородомъ и сладу нѣтъ!

— А откуда гроза, когда вѣтеръ шумить? —
Задаеть ему царь хитрой спрось.
Говорить сатана зыкомъ черныхъ згить:
— Этотъ отвѣтъ съ собой вѣтеръ унесъ...

* * *

На соборахъ Кремля колокола заплакали,
Собирались стрѣльцы изъ дальнихъ слободъ;
Кони ржали, сабли звякали,
Гласъ приказный чинно слухалъ народъ.

Закраснѣли хоругви, образа засверкали,
Царь пожаловалъ бочку съ виномъ.
Бабы подолами слезы утирали, —
Кто-то воротится невредимъ въ домъ?

Пошли стрѣльцы, запылили по полю:
— Берегись ты теперь, гордый Новоградъ!
Пики тенькали, кони топали, —
Никто не пожалѣлъ и не обернулся назадъ.

Возговѣритъ царь женѣ своей:
— А и будетъ пиръ на красной брагѣ!
Послалъ я сватать неучтивыхъ семей,
Всѣмъ готова постель въ темномъ оврагѣ!

— Государь ты мой, — шомонить жена, —
Моему ль уму судить судъ тебѣ!...
Тебѣ власть дана, тебѣ воля дана,
Ты челомъ лишь бьешь одной судьбѣ!...

* * *

Въ зарукавникѣ Марѳа Богу молилась,
Рукавомъ горячи слезы утирала;
За окошко она наклонилась,
Голубей къ себѣ на колѣни сывала.

— Ужъ вы голуби, слуги Боговы,
Солетайте—ко въ райскій теремъ,
Вертайтесь въ земное логово,
Стучитесь къ Новоградскимъ дверямъ!

Приносили голуби отъ Бога письмо,
Золотыми письменами рубленое;
Сѣла Марѳа за расшитою тесьмой:
— Ужъ ты счастье мое загубленое!

И писалъ Господь своей вѣрной рабѣ:
— Не гони метлой тучу вихристу;
Какъ московскій царь на кровавой гульбѣ
Продаль душу свою Антихристу...

* * *

А и минуло теперь четыреста лѣтъ.
Не пора ли намъ, ребята, взяться за умъ,
Исполнить святой Марѣинъ завѣтъ,
Заглушить удалю московскій шумъ?

А пойдѣте, бойцы, ловить кречетовъ,
Отошлѣмъ дикомытя съ потребою царю:
Чтобы далъ намъ царь отвѣтъ въ сѣчи той,
Чтобъ не застилъ онъ новгородскую зарю.

Ты шуми, пѣвунный Волоховъ, шуми,
Разбуди Садко съ Буслаемъ на-торгашъ!
Выше, выше вихорь тучи подыми!
Ой ты Новгородъ родимый нашъ!

Какъ по быльницѣ тропинка пролегла;
А пойдѣте стольный Кіевъ звать!
Ой ли вы съ Кремля колокола,
А пора, небось, и честь вамъ знать!

Пропоемъ мы Богу съ вѣтрами тропарь,
Вспѣнимъ бѣлую попончу,
Загудитъ намъ съ вѣча колоколь, какъ встарь.
Туть я, ребята, и покончу.

Сентябрь 1914 г.

ТОВАРИЩЪ.

Онъ былъ сыномъ простаго рабочаго,
И повѣсть о немъ очень короткая.
Только и было въ немъ, что волосы, какъ ночь
Да глаза голубые, кроткіе.

Отецъ его съ утра до вечера
Гнулъ спину, чтобъ прокормить крошку;
Но ему дѣлать было нечего,
И были у него товарищи: Христоръ да кошка.

Кошка была старая, глухая,
Ни мышей, ни мухъ не слышала,
А Христоръ сидѣлъ на рукахъ у матери
И смотрѣлъ съ иконы на голубей подъ крышею.

Жилъ Мартинъ, и никто о немъ не вѣдалъ.
Грустно стучали дни, словно дождь по желѣзу,
И только иногда за скуднымъ обѣдомъ
Училъ его отецъ распѣвать марсельезу.

«Выростешь, — говорилъ онъ, — поймешь...
Разгадаешь, отчего мы такъ нищи!»
И глухо дрожалъ его щербатый ножъ
Надъ черствой горбушкой насущенной пици.

Но вотъ, подъ тесовымъ
Окномъ—
Два вѣтра взмахнули
Крыломъ:

То съ вешнею польмью
Водъ
Взметнулся Россійскій
Народъ...

Ревуть валы,
Поеть гроза!
Изъ синей мглы
Горять глаза.

За взмахомъ взмахъ,
Надъ трупомъ трупъ;
Ломаеть страхъ
Свой крѣпкій зубъ.

Все взлетъ и взлетъ
Все крикъ и крикъ!
Въ бездонный ротъ
Бѣжитъ родникъ...

И вотъ кому-то пробилъ
Послѣдній, грустный часъ...
Но вѣрьте, онъ не сробѣлъ
Предъ силой вражьихъ глазъ.

Душа его, какъ прежде,
Безстрашна и крѣпка,
И тянется къ надеждѣ
Безкровная рука.

Онъ не задаромъ прожилъ,
Недаромъ мьялъ цвѣты;

Но не на васъ похожи
Угасшія мечты...

Нечаянно, негадано съ родимаго крыльца
Донесся до Мартина послѣдній крикъ отца.

Съ погасшими глазами, съ пугливой синью губъ
Упалъ онъ на колѣни, обнявъ холодный трупъ.

Но вотъ приподнялъ брови, протеръ рукой глаза,
Вбѣжалъ обратно въ хату и сталъ подъ образа.

«Исусъ, Исусъ, ты слышишь? Ты видишь? Я одинъ!
Тебя зоветь и кличетъ товарищъ твой Мартинъ...

Отецъ лежитъ убитый, но онъ не палъ какъ трусъ!
Я слышу, онъ зоветь насъ, о вѣрный мой Исусъ!

Зоветь онъ насъ на помощь, гдѣ бьется русскій людъ,
Велитъ стоять за волю, за равенство, за трудъ!»

И ласково пріемля
Рѣчей невинныхъ звукъ,
Сошелъ Исусъ на землю
Съ неколебимыхъ рукъ.

Идутъ рука съ рукою,
А ночь черна, черна!...
И пыжится бѣдою
Сѣдая тишина.

Мечты цвѣтутъ надеждой
Про вѣчный, вольный рокъ.
Обоимъ нѣжить вѣжды
Февральскій вѣтерокъ.

Но вдругъ... огни сверкнули...
Залаяль мѣдный грузъ!...

И палъ, сраженный пулей,
Младенецъ Иисусъ...

Слушайте:

Больше нѣтъ воскресенья!
Тѣло Его предали погребенью:
Онъ лежитъ
На Марсовомъ
Полѣ...

А тамъ, гдѣ осталась Мать,
Гдѣ Ему не бывать
Болѣ,
Сидитъ у окошка
Старая кошка
Ловитъ лапой луну...

Ползаетъ Мартинъ по полу.
«Соколы вы мои, соколы,
Въ плѣну вы,
Въ плѣну!»

Голосъ его все глуше, глуше,
Кто-то давить его, кто-то душить,
Палить огнемъ.

Но спокойно звенитъ
За окномъ,
То погаснувъ, то вспыхнувъ
Снова,
Желѣзное
Слово:
«Пре-ес-пуу-ублика!»

У С Ъ.

Не бѣлы снѣга по-надъ Дономъ
Заметали степь синимъ звономъ.
Подъ крутой горой, что-ль подъ тыномъ,
Раставалась мать съ вѣрнымъ сыномъ.

Ты прощай мой сынъ, прощай чадо,
Знать, пришла пора, ѣхать надо!
Захирѣлъ нашъ долъ по-надъ Дономъ,
Подъ пятой Москвы подъ полономъ».

То не водный звонъ за путиной—
Бьетъ копытомъ конь подъ осиной.
Подъ красневу дремь, подъ сугредокъ
Отвѣчалъ ей сынъ напоследокъ:

— «Ты не стой, не плачь на дорогу,
Зажигай свѣчу, молись Богу.
Соберу я Донъ, вскручу вихорь,
Полоню царя, сниму лихо».

рѣка въ бугоръ била пѣной,—
Вынималъ онъ ножъ съ подколѣна,
Отрѣзалъ съ губы усъ чернявый,
Говорилъ слова надъ дубравой:

— «Ужъ ты, мать моя, голубица,
Сбереги ты усъ на божницѣ;
Окропи его краснымъ звономъ,
Положи его подъ икону!»

Гикаль-ухаль онъ подъ туманомъ,
Подымалась пыль за курганомъ.
А она въ отвѣтъ, какъ не рада:
— «Ужъ ты, сынъ ли мой, мое чадѣ!»

* * *

На крутой горѣ, подъ Калугой,
Повѣнчался Усъ съ синей вьюгой.
Лежитъ онъ на снѣгу подъ елью,
Съ весела-разгула, съ похмелья.

Передъ нимъ все знать да бояры,
Въ рукахъ золотыя чары.
— «Не гнушайся ты, Усъ, не злобуй,
Подымись, хоть пригубь, попробуй!»

Нацѣдили мы винъ красносѣкихъ
Изъ грудей изъ твоихъ изъ высокихъ»,
Какъ пьяна съ нихъ твоя супруга,
Бѣлокосая дѣвица-вьюга!»

Молчить Усъ, не кинетъ взгляда,—
Ничего ему отъ земли не надо.
О другой онъ землѣ гадаетъ,
О другихъ небесахъ вздыхаетъ...

* * *

Заждалася сына дряхлая вдовица,
День и ночь горя, сидя подъ божницей.
Вотъ прошло-проплыло ужъ второе лѣто,
Снова снѣгъ на полѣ, а его все нѣту.

Подошла, взглянула въ мутное окошко...
— «Не одна ты въ полѣ катишься, дорожка!»
Свищетъ соколь-вѣтеръ, бредить тихимъ Дономъ.
— «Хорошо бѣ прижаться къ золотымъ иконамъ»...

Сѣла и прижалась, смотреть кротко, кротко...
— «На кого жѣ похожъ ты, свѣтлоглазый отрокъ?»
— «А!—сверкнули слезы надъ увядшимъ усомъ,—
— Это ты, о сынъ мой, смотришь Иисусомъ!»

Радостью свѣтитъ она изъ угла.
Пѣсню запѣла и гребень взяла.
Ликъ ея старческій ласковъ и строгъ.
Встанеть, присядеть за печь, на порогъ.
Вечеръ морозный, какъ волкъ, темнобуръ.
Кличетъ цыплятъ и нахоленныхъ куръ.
«Цыпушки-цыпы, свѣтъ-пѣтушокъ!..»
Крѣпокъ въ рукѣ роговой гребешокъ.
Стала, уставилась лбомъ въ темноту,
Чешетъ волосья младенцу Христу.

ПЪВУЩІЙ ЗОВЪ.

Радуйтесы!
Земля предстала
Новой купели!
Догорѣли
Синія мятели,
И змѣя потеряла
Жало.

О, Родина,
Мое Русское поле,
И вы, сыновья ея,
Остановившіе
На частоколѣ
Луну и солнце,—
Хвалите Бога!

Въ мужичьихъ ясляхъ
Родилось пламя
Къ миру всего міра!
Новый Назаретъ
Передъ вами,
Уже славятъ пастыри
Его утро.
Свѣтъ за горами...

Сгинь ты, англійское юдо,
Расплещися по морямъ!
Наше сѣверное чудо
Не постичь твоимъ сынамъ!

Не познать тебѣ Фавора,
Не услышать тайный зовъ!
Отуманеннаго взора
На устахъ твоихъ покровъ.

Все упрямѣй, все напраснѣй
Ловить ротъ твой темноту.
Нѣтъ, не дашь ты правды въ ясляхъ
Твоему сказать Христу!

Но знайте,
Спящіе глубоко:
Она загорѣлась,
Звѣзда Востока!
Не погасить ее Ироду
Кровью младенцевъ...

«Пляши Саломея, пляши!
Твои ноги легки и крылаты.
Цѣлуй ты уста безъ души,—
Но близокъ твой часъ расплаты!
Уже всталъ Іоаннъ,
Изможденный отъ ранъ,
Поднялъ съ земли
Отрубленную голову,
И снова гремятъ
Его уста,
Снова грозятъ
Содому:
— Опомнитесь!

Люди, братья мои люди,
Гдѣ вы? Отзовитесь!
Ты не нуженъ мнѣ, безстрашный,
Кровожадный витязь.

Нехочу твоей побѣды,
Дани мнѣ ненадо!
Всѣ мы—яблони и вишни
Голубого сада.

Всѣ мы—гроздья винограда
Золотого лѣта.
До кончины всѣмъ намъ хватить
И тепла и свѣта!

Кто-то мудрый, несказанный,
Все себѣ подобя,
Всѣхъ живущихъ грѣть пѣсней,
Мертвыхъ—сномъ во гробѣ.

Кто-то учить насъ и просить
Постигать и мѣрить.
Не губить пришли мы въ мѣрѣ,
А любить и вѣрить!

О Т Ч А Р Ь.

1.

Тучи—какъ озера,
Мѣсяць—рыжій гусь.
Пляшетъ передъ взоромъ
Буйственная Русь.
 Дрогнуль лѣсъ зеленый,
 Закипѣль родникъ.
 Здравствуй, обновленный,
 Отчарь, мой, мужикъ!

Голубя воды—
Твой покой и свѣтъ,
Гибельной свободы,
Въ этомъ мѣрѣ нѣтъ.
 Пой, зови и требуй,
 Скрытые берега;
 Но сорвется съ неба
 Звѣздная дуга!

Не обронить вечеръ
Краснаго ведра;
Могутня плечи—
Что гранить гора.

2.

Подъ облачнымъ древомъ
 Привыкъ ты къ громамъ;
 Синѣютъ напѣвы
 По звѣзднымъ горамъ.
 Небесныя дщери,
 Куделятъ кремникъ;
 Училъ тебя вѣрѣ
 Сѣдой огневикъ.
 Онъ даль тебѣ пику,
 Грозовый ятагъ,
 И силой Аники
 Отмѣтилъ твой шагъ.
 Заря, какъ волчиха
 Съ оскабленнымъ ртомъ.
 Но гонишь ты лихо,
 Двуперстнымъ крестомъ.
 Протянешь ли руку,
 Иль склонишь ты ликъ,
 Кладешь ей краюху ^и
 На желтый языкъ,
 И чуется звѣрю
 Подъ радугой словъ;
 Алмазныя двери
 И звѣздный покровъ.

3.

О Чудотворецъ!
 Широкоскулый и красноротый
 Пріавшій въ корузлыя руки
 Мдаденца, нѣжнаго,—
 Укачай мою душу
 На пальцахъ ногъ своихъ!

Я сынъ твой,
Выросшій, какъ ветла
При дорогѣ,
Научился смотрѣть въ тебя,
Какъ въ озеро.
Ты несказаненъ и мудръ.

По сѣдинамъ твоимъ
Узнаю, что былъ снѣгъ
На поляхъ
И поемахъ,
По глазамъ голубымъ,
Славлю
Красное
Лѣто.

4.

Ахъ, сегодня весна,—
Ты взыгралъ, какъ потокъ!
Гладить волны челнокъ
И поеть тишина.
Слышенъ Волховскій звонъ,
И Буслаевъ разгулъ,
Закружились подъ гулъ
Волга, Кама и Донъ.
Синегубый Уралъ
Выставляетъ клыки,
Но кадятъ Соловки
Въ его синій оскаль.
Всѣхъ зовешь ты на пиръ,
Тепля кличъ, какъ свѣчу.
Прижимаешь къ плечу
Нецѣлованный мѣръ.

Святъ и мирень твой даръ,
Синь и пѣсня въ рѣчахъ,
И горить на плечахъ
Необъемлемый шаръ!...

5.

Закинь его въ небо,
Поставь на столпы!
Тамъ звѣзднаго хлѣба
Златятся снопы.

Тамъ голодь и жажда
Въ корняхъ не поють,
Но зрѣть однаждыный
Свѣтъ ангельскихъ юртъ.

Тамъ съ вызвономъ блюда,
Прохлада куста,
И рыжій Іуда
Цѣлуеть Христа,

Но звонъ поцѣлуя
Деньгой не гремитъ,
И цѣль Акатуя,
Тропа, передъ скитъ.

Тамъ дряхлое время,
Бродя по дугамъ,
Все русское племя,
Сзываетъ къ столамъ.

И славя отвагу,
И гордый твой духъ
Сыченою брагой
Обносить ихъ кругъ.

П. Оръшинъ.

АЛЫЙ ХРАМЪ.

АЛЫЙ ХРАМЪ.

По жаркимъ хлѣбнымъ перекатамъ
Несу изъ солнца Алый Храмъ..
Свободу хижинамъ и хатамъ,
Свободу нищимъ и рабамъ.

Не Русь-ли пламенемъ объята,
Не Русь-ли алая до дна?...
Не Русь-ли хохотомъ набата
Со всѣхъ сторонъ озарена?

Въ огнѣ мужицкая сермяга,
Въ замѣтномъ гомонѣ поля..
Подъ знакомъ огненнаго стяга
Горитъ російская земля.

Въ груди мечтамъ не стало мѣста,
Душа—на крыльяхъ золотыхъ..
Святая Русь—моя невѣста,
И я—возлюбленный женихъ.

Долой-же скорбныя морщины,
Отнынѣ свѣтель я и смѣль..
Черезъ моря, поля, пучины
Свободы Ангелъ пролетѣль.

Надъ каждой хатой—Радость-птица,
Надъ каждой хатой—жаръ-Мечта...
И вѣтеръ ночи блѣднолицей
Цѣлуетъ алые уста.

Свѣтлы дороги перелѣска,
Святыя свѣчи—по буграмъ...
Горить изъ солнечнаго блеска
Свободныхъ гражданъ Алый Храмъ.

ДЕРЕВНЯ.

* * *

Пойду въ разбросанныя нивы,
На волю вспаханныхъ полей—
Смотрѣть небесныя заливы,
Бездонность ласковыхъ очей.

Не мнѣ ли въ золотѣ пшеницы,
Подъ солнцемъ медленнаго дня,
Поютъ невидимыя птицы,
Шуршать посѣвы-зеленя?

Не мнѣ ли золото колосьевъ
И воля вольная вокругъ?..
Люблю въ горячемъ сѣнокосѣ
Размахъ косы и смѣлость рукъ!

Подъ солнцемъ огненнымъ Природа...
Рукою солнца не прикрыть...
Мои поля, мою свободу
Кто не захочетъ полюбить?

НА ПОЛЯХЪ.

Надъ избушкой моею красно,—
Далеко виденъ алый платокъ..
Будетъ вѣское въ поле зерно,
День покоса горячъ и широкъ.

По весеннему въ полѣ родномъ
Забурлили потоки-ручьи..
Красный флагъ надъ рабочимъ селомъ
Точно жаркое пламя свѣчи!

На поляхъ—широченная гладь..
Загремѣли колеса вдали..
Хорошо бы сохой распахать
Всѣ просторы свободной земли!

На сохѣ я развѣшу кумачъ,
Красноту загорѣвшихся дней..
— Эй, дорогу, дорогу, богачъ,
Дай дорогу клячонкѣ моей!

ВЪ ПОЛЯХЪ.

Поля и степи за оврагами
Раздули розовую мглу...
Крестьяне съ огненными стягами
Идутъ по вольному селу.

Земля и воля—краше золота,
Земля и воля—нашъ девизъ...
Стелная даль ножомъ распорота,
Горятъ остатки синихъ ризъ.

За темнымъ лѣсомъ пышетъ зарево,
Хочочеть радостный набать...
Ахъ, не дворцы-ли государевы
Подъ небомъ сѣвернымъ горять?

Кафтанъ долой... лечу я по полю
На крыльяхъ огненныхъ временъ...
По всѣмъ дорогамъ вдругъ затопали,—
Идутъ, бѣгутъ со всѣхъ сторонъ.

— Долой столѣтнія развалины,
Дворцы царя-крѣпостника!...
Въ кругу неспаханой проталины
Кроваво мечется рѣка.

Нависли огненные полосы,
Надъ ровнымъ полемъ—тѣни птахъ...
Не человѣчья-ль тѣнь безъ голоса
Кричитъ въ дымящихся кустахъ?

Бѣгу задами темной хижины,
Высокимъ заревомъ объять...
Рыдаетъ зычно и обиженно
Въ поляхъ тоскующихъ набать.

Бросають зло въ пучину черную
Свой мѣдный крикъ колокола...
Не Жарь-ли птица Русь просторную
Крыломъ кровавымъ обняла?

КРЕСТЬЯНСКАЯ.

Отречемся отъ стараго міра.
Ненавистнаго міра царей...
Да не будетъ иного кумира,
Кромѣ воли родимыхъ полей.

Не довольно-ли мы голодали,
Изнывали подъ плетью господъ?...
На землѣ, точно въ темномъ подвалѣ,
Жилъ забитый, великій народъ.

Мы работой измызганы въ полѣ,
Отъ нагаекъ—не стынутъ рубцы...
Нашихъ дѣдовъ сажали на колья,
Подъ кнутомъ умирали отцы!

Иродь-царь пировалъ на престолѣ,
Пылъ горячую кровь до' пьяна...
Но царя мы, возставъ побороли,
На Руси—золотая весна!

Но цѣлы и сильны міроѣды,
Не разбита помѣщичья рать...
Съ ними бой нашъ до полной побѣды;
Не пахать, не косить и ни жать!

Прочь съ родимой земли, толстосумы,
Мы работать на васъ—не рабы...
Краснымъ цвѣтомъ цвѣтутъ наши думы,
Крылья нашей души и судьбы!

Прочь съ дороги жрецы Капитала,
Выше, красные стяги полей!..
Тамъ, гдѣ рабство навѣки упало,
Всходитъ солнце торжественныхъ дней.

Въ прахъ разбита царева сѣкира,
Въ прахъ поверженъ кровавый чертогъ...
Отречемся отъ стараго міра,
Отряхнемъ его прахъ съ нашихъ ногъ!

АЛЫЙ ЦВѢТЬ.

Мы—жнецы разгульныхъ нивъ,
Мы—жильцы російскихъ хижинъ...
Кто изъ насъ доселѣ живъ,
Тотъ судьбою не обиженъ.

Толстый кнутъ царевыхъ слугъ,
Произволь царевой власти...
Деспотъ хижинъ и лачугъ
Наше сердце рвалъ на части.

Ахъ, не батюшка-ли царь
Даль казенку для разгула?
Не твоя-ли, братъ-косарь,
Удалъ въ водкѣ потонула?

Не на твой-ли ветхій дворъ
Шли толпой осеннимъ срокомъ
Попъ, купчина-шкуродерь,
Царь—за данью и оброкомъ?

Не тебѣ-ль плакунъ-трава
Шила смертныя рубахи?
Не твоя-ли голова
Отживала дни на плахѣ?

Но... довольно страшныхъ сновъ,
Годы рабства миновали...
Русь свободныхъ мужиковъ
Намъ инья вскрыла дали.

Мы—жнецы свободныхъ нивъ,
Мы—жильцы свободныхъ хижинъ...
Кто изъ насъ доселѣ живъ,
Тотъ судьбою не обиженъ!

НА ДЕРЕВНѢ.

Странный человѣкъ Богу молится,
На четыре стороны онъ поклоны бьетъ,
Въ облачномъ цвѣту вся околица,
Надъ худыми избами журавлиный летъ.

Странный человѣкъ въ зорномъ золотѣ,
Стопанные лапотки изъ зеленыхъ змѣй.
Оглядѣвъ поля, молвилъ: Полно-те,
Хватить всѣмъ съ избыткомъ води и полей.

Да зашелъ въ село старый мироѣдъ,
Человѣку странному не даль рѣчь сказать.
— Не мути ты насъ, попуститель-дѣдъ.
Намъ земля-кормилица все равно, что—мать.

— У меня изба, не изба.—дворецъ,
Лоснится на солнышкѣ огненная жечь...
Лошадей, коровъ, свинокъ и овецъ
Серебра и золота въ годъ не перечесть.

— У меня жена—въ кольцахъ да шелкахъ,
Дѣточки раскормлены, любо поглядѣть...
Мнѣ въ народѣ почести—носятъ на рукахъ,
Оттого, что золото—золото, не мѣдь.

Даже Божій храмъ весь съ попами—мой:
Двадцать тысячъ выложилъ, если хочешь знать...
Если мой кошель—весь казна казной,
На дѣла хорошія почему не дати!

А не будь земли, тутъ и смерть моя,
И на церковь Божію не смогу подать.
Ой, земля, земля, матушка-земля,
Безъ земли-кормилицы счастья не видать.

Зло глядятъ глаза вора-кулака.
Десятинокъ съ тысячу числится за нимъ.
Топнулъ сапогомъ, плюнулъ въ старика:
— Мы купцы-помѣщики, воли не хотимъ!

Замахнулъ на странника палкой-багатомъ:
— У меня безбожникамъ въ хатѣ мѣста нѣтъ.
Смотрить... а въ глазахъ все пошло кругомъ:
Николай Угодничекъ передъ нимъ, какъ свѣтъ.

Возгорѣлся міръ Божьимъ трепетомъ:
— Міроѣду толстому кары Божьихъ силъ!
Злая рѣчь его стала лепетомъ,
Передъ гостемъ праведнымъ голову склонилъ.

Станный человекъ въ солнцѣ-золотѣ,
Стоптаные лапки изъ засохшихъ змѣй..
Оглядѣвъ поля, молвилъ: Полно-те,
Хватить всѣмъ съ избыткомъ воли и полей.

НА ГУМНѢ.

Красень въ полѣ соломенный скитъ,
Стонеть въ рукахъ удѣланный цѣпъ,
Дѣдъ сѣдовласый тутъ-же сидитъ,
Дѣдъ толстоносый древень и слѣпъ.

Внуки на смѣну дѣду пришли.
Внуки свободны въ древнемъ краю...
Внуки себѣ достали землю,
Кровью добыли волю свою.

Стонеть подѣ цѣпомъ огненный снопъ,
Вышелъ на славу хлѣбный покось...
Только и слышно: хлопъ-хлопъ, хлопъ-хлопъ,
Скрипъ по дорогѣ новыхъ колесъ.

Собрано дѣвками въ кучу зерно,
Новые гдѣ-то скрипятъ возы...
Стонеть отъ пѣсенъ чудо-гумно,
Дома ребята твердятъ азы.

Диву дается дѣдъ сѣдовласъ:—
Пѣсенъ такихъ не слыхиваль я...
Не было пѣсенъ такихъ у насъ,
Пѣсенъ съ припѣвомъ вольнаго дня.

— Сколько осталось?—Много—копна!..
Дѣвичьи пѣсни еще звончѣй...
Знаю: Россія будетъ сильна,
Вѣчною силою сытыхъ полей.

Солнце вошло въ соломенный кругъ,
Налито силой мое плечо..
— Бей, не жалѣй здоровенныхъ рукъ,
Куй желѣзо, пока горячо!

НА ПРОСТОРЪ.

Солнце зажгло косматую даль,
Вылѣзли мыши изъ темныхъ норъ,
Солнцу-ли землю свою не жаль?
Солнце лелѣетъ каждый бугоръ.

Выйду изъ хаты подъ вспышки зорь,
Вѣтеръ цѣлуетъ мои уста...
Съ совѣстью, братъ, никогда не спорь,
Сердцемъ почувствуй слова Христа.

Вижу какъ диво, цвѣты земли,
Слышу дыханье широкихъ нивъ...
Синія звѣзды въ поля ушли,
Топкій надъ полемъ Божій заливъ.

Ходить по избамъ вечерній свѣтъ.
Свѣтлую мѣсяць бросилъ струю.
— Братцы, предъ Богомъ дадимъ обѣтъ
Свято хранить свободу свою!

Лѣсъ за оврагомъ въ полѣ заглохъ.
Въ избахъ родимыхъ вспышки огня.
Мало для дюжихъ жилистыхъ сохъ
Въ полѣ большомъ короткаго дня.

Глазомъ не смѣрять волю полей.
Вѣтры несутъ густой аромать.
— Гдѣ же ты, ворогъ, воли моей,
Воли родныхъ многодумныхъ хать?

Звѣзды летятъ изъ далекихъ странъ,
Поле качаетъ сѣдую мглу...
Странникъ, одѣтый въ глухой туманъ,
Тихо идетъ по хлѣбамъ къ селу.

Тихо спросилъ я: «Странникъ-свѣтъ,
Сгинетъ ли воля родимыхъ мѣстъ?..
Радостно странникъ бросилъ въ отвѣтъ:
— Богъ не попуститъ, свинья не съѣстъ!

ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Ночь по буграмъ развела огни,
Ходятъ огни по роднымъ полямъ...
Избы безъ крышъ въ неживой тѣни
Счетъ повели изошедшимъ днямъ.

Воронъ-Судьба съ золотымъ хвостомъ
Глянулъ въ окно и пропалъ, исчезъ...
Шарить-шипить во хлѣвѣ пустомъ
Злой домовый, косоглазый бѣсъ.

Вѣтеръ шуршитъ по останкамъ крышъ.
Дуетъ въ окно, проходя селомъ...
Въ свѣтѣ зари невидимка-мышь
Быстро мелькнетъ иногда крыломъ.

Сердце мое изсушила лютъ—
Громкая пѣснь за селомъ солдатъ...
Мѣсяцъ упалъ въ голубую муть,
Мѣсяцъ горитъ надъ печалью хать.

Сердце мое, не кричи навзрыдъ:
Сгинетъ война—поживемъ опять...
Жаркая ночь потеряла стыдъ:
Въ степи зоветъ—цѣловаться, знаты!

Вѣтеръ сволокъ всю солому съ крышъ,
Лѣзетъ въ трубу и въ заслонку бьетъ...
— Вѣтеръ, скажи, для чего дерзишь,
Вышелъ зачѣмъ изъ сырыхъ болотъ?

Мѣсяць опять надъ моей избой.
Вѣтеръ идетъ по стропиламъ хатъ...
Вѣтеръ всегда и вездѣ со мной:
Свой своему поневолѣ брать!

НА РУСИ.

Солнце любовно поля обошло,
Колось горячій душисть и шумливъ.
Въ золотѣ спряталось наше село—
Въ звонахъ и шумахъ тоскующихъ нивъ.

Вышли изъ хижинъ съ серпами жнецы.
— Богъ вамъ на помощь, родные мои...
Съ косами вышли на волю косцы.
— Славьтесь, великіе, красные дни!

Съ пѣснями бабы и дѣвки идутъ,
Звонки у дѣвокъ и бабъ голоса...
Съ рослаго поля—и звоны и гудъ:
Рѣжетъ съ размаха и серпъ и коса.

— Ну-ка, на славу родной стороны
За день смахнемъ десятинокъ пятокъ!
Свѣтитъ золото хлѣбной копны,
Стогъ на деревнѣ могучъ и высокъ,

Круто завязаны чудо-снопы,
Льется съ лица кровянѣющей потъ...
Красный «татарникъ» раздвинулъ шипы,
Красный, какъ жаркаго солнца восходъ.

По полю—топотъ разбитыхъ копытъ:
Тянутся къ селамъ возы-скрипачи.
Дружно и шумно работа кипитъ
Вплоть до вечерней надъ полемъ свѣчи.

Солнце запало за рощу-лѣсокъ.
— Пѣсно, ребята!.. вы, бабы, впередъ!..
Тащится по полю тысячей ногъ
Тощій, рогатый, непроданный скотъ.

Ночь. Надъ полями—сѣдая луна,
Плещется вѣтеръ въ поляхъ черезъ край.
Хаты уснули. Въ селѣ—тишина.
Вольному—воля; спасенному—рай!

ПАХАРЮ.

Деревня родная, четыре двора,
Соха золотая, батюшка-серпъ...
Заря-заряница въ поляхъ расцвѣла,
Надъ звономъ и смѣхомъ пахучихъ вербъ.

Уснула деревня, четыре двора,
Не слышно, хоть лопни, пѣсенъ лихихъ.
Уснула, родная?.. а спать не пора:
Поле не сжато, набать не затихъ.

Тяжелая дума покоя не дастъ:
— Насъ ли, друзья, не ведутъ на убой?..
Земли окровавленной вырытый пласть
Душить красавицу-волю собой!

Слушай, народушко: плачетъ набать,
Стонетъ набать святорусской земли...
— Ужели, мой пахарь, товарищъ и братъ,
Мы землю и волю уже обрѣли?

Нѣтъ!.. поле родное еще подъ ярмомъ,
Широкая воля еще въ плѣну...
Гремитъ надъ хибарами батюшка-громъ,
Пожаръ не оставилъ нашу страну.

Выходить изъ хижинъ горящихъ народъ,
Тяжелое слово горитъ въ груди...
Не поле ли наше на помощь зоветъ,
Не воля-ль, касатка, кричить: «выходи».

Шумять золотые за хатой овсы,
Звенить золотая въ поляхъ казна...
Идутъ, торопясь, золотые часы,
Надъ полемъ, какъ туча, виситъ тишина.

Не спи же, деревня, четыре двора...
— Долой, толстосумы, злое хамье!..
Погудка родная вѣрна, хоть стара:
«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое»!

ДУМЫ МОИ.

Красныя зори обняли грѣшную землю,
Русь подняла свой окровавленный стягъ...
Крику набата сердцемъ надорваннымъ внемлю,
Бѣдный народъ все-же по прежнему нагъ!

Низкія избы смотрять по прежнему жалко,
Крыши раскрыты чьей-то преступной рукой...
Вьются надъ храмомъ въ небѣ разорванномъ галки,
Мечется вѣтеръ, плача надъ хатой пустой.

Шмыгають полевъ тѣ-же разбитыя лапти,
Падаетъ съ плечъ старый, въ заплатяхъ кафтанъ...
— Вы фабриканты, что-же задумались,—грабьте,
Грабьте смѣлѣй нашихъ голодныхъ сельчанъ.

Тоція земли въ полѣ измызганы плугомъ,
Матушка-рожь въ ростъ человѣческой—гдѣ?...
Ходить-гуляетъ горе по сѣрымъ лачугамъ,
Въ избахъ худыхъ сладко живется нуждѣ.

Въ избахъ родимыхъ грамоты даже не знаютъ,
Темень идетъ, шлепая лаптемъ худымъ.
Темныя ночи звѣздами въ полѣ играютъ,
Въ полѣ ночномъ стелется огненный дымъ.

Стонетъ за рѣчкой колоколь голосомъ ржавымъ,
Тѣнь мужика выросла грозно во мглѣ...
— Судь беспощадный наглымъ царевымъ оравамъ,
Грабившимъ насъ долго на бѣдной землѣ!

Темныя избы пламенемъ алымъ объаты,
Жаркая степь запахомъ сѣна пьяна...
Гдѣ-то съ надсадомъ пѣсню горланятъ солдаты,
Гдѣ-то опять душно хохочетъ война.

Въ полѣ несжатомъ звѣзды разбросаны всюду,
Шаткая рожь смотритъ на избы села...
Въ полѣ Россія мощно голодному люду,—
Міру всему,—огненный стягъ подняла!

ГОРОДЪ.

* * *

Развратно-крикливы, какъ проститутки,
Черныя буквы магазинныхъ рекламъ...
Въ коммерціи тонуть наши разсудки,
Въ смѣхѣ и воплѣ расфуфыренныхъ дамъ.

Купля-продажа души человѣка,
Звонъ на прилавкѣ золотистыхъ монетъ...
Кашляетъ кровью старуха-аптека,
Пляшетъ на площади разбитной скелетъ.

Купля-продажа у Храма Господня,
Въ торжище превратился Господень Храмъ...
Шумный трамвай на Невскомъ сегодня
Разрѣзалъ кого-то опять пополамъ.

Банки открыты. Дѣльцы въ кабинетахъ.
Трудъ ихъ для міра, какъ монета, двуликъ,
Жизнь коммерсанта—въ звонкихъ монетахъ,
Жизнь—это алчный человѣческой крикъ.

Въ небо глядятъ златоглавыя храмы.
Блещетъ стекло магазинныхъ витринъ...
Ахъ, на заборахъ—цвѣтныя рекламы:
Ищетъ подругу среднихъ лѣтъ господинъ.

Тѣни рабочихъ томятся въ подвалахъ,
Въ жаркихъ заводахъ съ миллионами трубъ..
Злая улыбка не сходитъ съ усталыхъ,
Проклятой судьбой зацѣлованныхъ губъ.

Ночью кричала голодная кошка
Гдѣ-то на лѣстницѣ, въ седьмомъ этажѣ...
Съ улицы воры проникли въ окошко,
Мѣсяцъ свѣтился въ обнаженномъ ножѣ.

Хочется въ поле, на свѣтлыя степи,
Къ синей рѣчущкѣ съ переплесками рыбъ..
Городъ подвалы намъ новые лѣпитъ.
— Вонъ изъ подваловъ, кто еще не погибъ.

ИСКРЫ.

Чадны заводскія трубы,
Печь широка..
Любо, не любо—
Плавь золотую руду,

По привычкѣ къ труду—
Стой у станка.
Куй подлецамъ миллионы,
Жарься въ аду...

Куй перезвоны
Крупныхъ и мелкихъ монетъ,
Куй до отказа, до-нѣтъ—
Нашу бѣду.

Стонуть заводскія стѣны,
Шорохъ и гудъ..
Ноги безъ смѣны,
Дни отъ зари до зари—

Все у станка... Сгинь, сгори,
Каторжный трудъ!
Искры въ вечернее небо,
Искры въ туманъ...

Люди—безъ хлѣба,
А владѣлецъ машинъ,
Деспотъ нашъ, Царь, Господинъ—
Весель и пьянъ.

Тяжки безсонныя ночи.
Молотъ великъ...
Старый рабочій
Въ черныхъ, большихъ сапогахъ,

Съ молотомъ чернымъ въ рукахъ,—
Поднялъ свой ликъ!
Стонуть чугуныя балки...
— Эй, берегись!..

Красныя галки
Изъ трубъ, черезъ черный заборъ,
Падаютъ въ вѣчный просторъ—
Звѣздную высь.

ЗАРЕВО.

Черныя трубы испускають копоть,
За рѣшеткой въ окнахъ—златоглавый смрадъ.
Молотомъ тяжкимъ надоѣло хлопать,—
И въ работѣ мысли алыя не спятъ.

Черныя руки тяжелы, какъ гири,
Золотыя тачки оттянули ихъ...
Алыя ночи въ необъятномъ мірѣ
Тотчасъ надъ заводомъ сладкогласный стихъ.

Слава, кующимъ счастье
Алой земли своей.
Слава крылатой силѣ
Рабочихъ массъ.

Огненный молотъ—знамя
Свѣтитъ въ лихую мглу.
Каменный Храмъ Капитала
Горитъ свѣчей.

Слава, поднявшимъ руку
Въ часъ огневой борьбы...
Слава, за стягъ Свободы
Пріявшимъ смерть.

Мертвые срама на землѣ не имуть.
Надъ живыми вѣчно—мечъ слѣпой судьбы.
За заборомъ чернымъ перекаты дыма,
Надъ заводомъ шумнымъ—алые столбы.

Грузныя печи жарятъ безъ пощады,
На желѣзныхъ тачкахъ—жирная руда...
Доля рабочихъ—черствая награда:
Тягостное рабство, вѣчная нужда.

Дѣти безъ хлѣба, дѣти безъ науки,
Въ нежилыхъ подвалахъ—жесткая кровать.
Наши-ли, братцы, жилистые руки
Разучились счастье братское ковать?

Въ пеплѣ дымятся камни Капитала.
Надъ свободной Русью нашъ могучій стягъ.
Цѣпь вѣковая съ грохотомъ упала,
Свергнуть императоръ, нашъ извѣчный врагъ.

Огненный молотъ кровью засочился.
Надъ заводомъ трубы лѣзутъ въ облака.
Каменный городъ въ стяги нарядился,
Въ зоряхъ огнекрылыхъ спить Нева-рѣка.

ЗАЕМЪ СВОБОДЫ.

Кто за заемъ свободы?
Портниха-вдова,
Рабочій съ завода,
Который едва
Кормится самъ...
— Срамъ!
Мелкій торгашъ-патріотъ,
Мѣховщикъ,
Отче Федотъ,
Гробовщикъ,
Городскіе врачи,
Деревенскій мужикъ,
Кузнецы-ковачи,
Повара,—
Можно сказать,
Не соврать,—
Шушерà!
Гдѣ-жъ ура-патріоты
Съ карманомъ
Что вчера до икоты
Кричали рьяно:
— Мы хотимъ наступать?..
Таковыхъ не видать.
Гдѣ же вы, толстосумы,—
Подпишитесь на Заемъ...

Взываемъ!
Ахъ, ура-патріоты,
Вы-ль не шумѣли?
Но пора за работу:
Всѣ ли
Разжирѣвшіе лисы-бобры
Были честны
И щедры
Для войны?
Выворачивай чудо-карманы...
Странно:
Молчатъ Капиталы.
Другъ смотритъ на друга,
Кричали не мало,
Много шумѣли,
А въ дѣлѣ,—
Ой, туго!
Кто за Заемъ Свободы?
Портниха-вдова,
Рабочій съ завода,
Который едва
Кормится самъ...
— Срамъ!

ВОЙНА,

* * *

Если есть на этомъ бѣломъ свѣтѣ
Въ небесахъ негаснущихъ Господь,
Пусть Онъ скажетъ: «Не воюйте, дѣти,
Вы—моя возлюбленная плоть!

Отдаю вамъ всѣ мои богатства,
Все, что было и пребудетъ вновь...
Да святится въ жизни вашей братство
И въ сердцахъ великая любовь!».

Онъ сказалъ. А мы изъ-за богатства
Льемъ свою бунтующую кровь...
Гдѣ-жъ оно, святое наше братство,
Гдѣ-жъ она, великая любовь?

* * *

На вашу бойню алую
Смотрю я третій годъ,
Смотрю на Русь усталую
И думаю: вотъ-вотъ
Земля наша кормилица
Вся кровью изойдетъ.

Поля давно подѣлены,—
Цвѣтень и аромать...
Ахъ, не царемъ-ли велѣно
Чтобы на брата братъ
Возсталъ съ мечами-кольями,
Какъ неразумный гадъ?

Поля, качаясь, лоснятся,
Зерно идетъ къ зерну...
Въ работу сердце просится,
А ночью чуть засну—
И вижу всю-то ноченьку
Проклятую войну!

Подъ флагами веселыми
Деревни и поля...
Идутъ калѣки селами,—
И слушаетъ земля,
Цвѣтами вся покрытая,
Разказы костыля.

Въ слезахъ крестьянина,
Молитвы ни одной!..
Не горькой жизнью ранена,
Не властью крѣпостной,—
Болитъ душа свободная
Проклятою войной.

Въ поляхъ шумиха шалая:
— Да гдѣ же ты, народъ?..
Смотрю на Русь усталую
И думаю вотъ-вотъ
Земля наша кормилица
Вся кровью изойдетъ!

* * *

Отчего не рыдаютъ камни,
И не кричитъ луна въ небѣ,
И солнце, и звѣзды,—
Когда насъ разстрѣливаютъ?
Гдѣ-же Богъ Великій и Грозный,
Передъ которымъ падаютъ ницъ
Всѣ племена и царства,—
Когда насъ разстрѣливаютъ?
Не о свадьбахъ ли и пирахъ
Веселыхъ мы думаемъ
И гадаемъ въ тотъ часъ,
Когда насъ разстрѣливаютъ?...
Почему-жъ молчитъ культура,
И ваши университеты,
И Храмы ваши,—
Когда насъ разстрѣливаютъ?
Почему не трепещетъ знамя
Въ высокомъ небѣ
За правду,—
Когда насъ разстрѣливаютъ?
.
.
Безотвѣтно Святое Небо,
Земля безсловесна..
И кому очень больно,
Что насъ разстрѣливаютъ!

* * *

Мѣсяцъ съ выгнутой спиной
Проплыветъ, золотясь...
Мѣсяцъ въ безднѣ міровой—
Настоящій князь.

Онъ—колдунъ родныхъ полей,
Онъ властитель всѣхъ высотъ...
Онъ по зеркалу морей,
Золотясь, плыветъ.

Онъ въ туманѣ міровомъ
Строить звѣздные шатры...
Онъ надъ полемъ и селомъ
Золотить бугры.

Въ полѣ вѣтеръ гонитъ рожь,
Стонетъ стонами лачугъ...
Мѣсяцъ поднялъ острый ножъ,
Мѣсяцъ—вѣрный другъ!

Ночь разгульна и шумна,
Въ полѣ—хижинный разбой...
Много крови и вина
Въ сторонѣ родной!

Мѣсяць, гдѣ ты,—выходи...
Беззащитень, мѣсяць, я...
Мѣсяць, гдѣ ты,—погляди—
Чѣмъ живетъ земля!

Вѣтеръ... Стоны... Крики.. Дрожь...
Вижу лѣсъ молящихъ рукъ...
Мѣсяць поднялъ синій ножъ,
Мѣсяць—вѣрный другъ!

КЪ МИРУ

Сорветъ-ли златотканый пологъ
Съ родныхъ полей кровавый стягъ
Царевъ слуга, народный ворогъ,
Въ подпольяхъ ползающій врагъ?

Нѣтъ!.. Русь сильна!.. Молчать тираны,
Исчезла ихъ былая прыть...
Не вы-ль, союзныя намъ страны,
Порвали огненную нить?

Молчать народы полушарій,
Россія ждетъ отвѣтныхъ силъ...
Въ какомъ-то временномъ угарѣ —
Умы всѣхъ западныхъ свѣтиль!

Чего мы ждемъ ? Довольно крови,
Довольно міру алыхъ рѣкъ!..
Взгляни-же съ братскою любовью
На человѣка, человѣкъ!

Черезъ моря протянемъ руки,
Черезъ штыки и гуль траншей,
Черезъ страданія и муки
Своихъ отцовъ и матерей.

Долой царева договоры,
Долой увертки красныхъ словъ,
Долой слова и разговоры
Своихъ и пришлыхъ мудрецовъ!

Гдѣ вы, всѣхъ странъ социалисты,
Гдѣ вы, рабочіе всѣхъ странъ?...
Не вы-ль должны свой свѣтъ лучистый
Пролить на тягостный обманъ?

Россія ждеть... Россія внемлетъ...
— Такъ говори-жь: кто другъ и врагъ?
Кто за войну? Какія земли?
И кто за братскій алый стягъ?

Идутъ часы, бѣгутъ недѣли,—
И бьютъ иныхъ рѣшеній часъ...
И мысли крѣпкія назрѣли:
Кто не за насъ, тотъ противъ насъ!

А. Ширяевец.

ЗОРИ-ЗАРЯНИЦЫ.

ЗАПѢВКА.

Пышуть зори-заряницы
На конѣ Егорій мчится,

* * *

О побѣдѣ звонко трубитъ
Черныхъ гадовъ съ маху рубитъ;

* * *

Отворяетъ всѣ темницы...
Пышуть зори-заряницы...

1.

* * *

Лажу гусельки—яровчаты
Пѣсней звонкою зальюсь
— Сколько буйныхъ силъ непочатыхъ
У тебя, родная Русь!

И такія силы лъвинныя
Хоронилися вѣка!
Не съ того-ли и надрывная
Тяжела твоя тоска!

Злое чудище безсонное
Измывалось надъ тобой...
Ты спала, какъ опоенная
Чародѣйною травой...

Твоего—Илью—то—Муромца
Въ клѣтъ загнали, благо—прость...
— Полно маяться, сутулиться,
Встань, родная, во весь ростъ!

Глядь: зарею-заряницею
Освѣтилась ночи мгла...
Не бывать тебѣ черницею,—
Свѣтлый путь ты свой нашла!

II.

* * *

Загуди сильнѣе
Красный, вешній звонъ!—
Злого чародѣя
Взяли мы въ полонъ!

Вѣковыя раны
Вылечить народъ,
Будетъ сердце пьяно
Радостью свободъ...

Буйно-огневая
Посреди песковъ
Бьетъ вода живая
Новыхъ родниковъ...

. . . Пѣсенные гулы
Красный звонъ шальной
— Веселись Микула
Царь земли родной!

III.

ПАСХА.

Воскрешень весь людъ бездольный
Словомъ властнымъ,
И запѣли колокольни
Звономъ краснымъ...

Солнце весело всходило.
Свѣтитъ яро...
Мать-Земля въ цвѣты рядила
Зипунъ старый...

Наряжался лѣсъ шумливый
Въ изумруды...
Всюду къ свѣтлому призывы...
Вѣра въ чудо...

— «Пасха! Пасха!»— стонуть птицы
У оконца...
Думы ярки, какъ зарницы.
Въ сердцѣ— солнце!

РОДИНЪ.

Русь, вставай! Довольно муки!
Нѣтъ ни тюремъ, ни оковъ!
Слышишь радостные звуки
Вѣчевыхъ колоколовъ?

Вьется пурпурное знамя,
Пѣснь свободы какъ прибой.
— Распростись съ больными снами,
Свѣтлый путь передъ тобой!

АЛЫЕ МАКИ.

Какъ милѡго провожала я
Счастье родинѣ добыть,
Приколола маки алые,
Объщалася любить...

День и ночь гремѣли выстрѣлы,
Не одинѣ сраженнымъ легъ...
Солнце ясное, лучистое
Дымъ ружейный заволокъ...

Вотъ и друга увидала я,
Не напрасно я ждала...

.
Гдѣ алѣли маки алые
Алой стружкой кровь текла...

Ой, кручина безъисходная,
Не опомнюсь, не до сна..
— Стала родина свободною,
Только я-то... я одна!

СТЕНЬКА РАЗИНЪ.

Всколыхался ярко-красенъ
Стягъ возставшихъ за народъ...
— Нѣтъ, не умеръ Стенька Разинъ,
Снова, грозный, онъ идетъ!

Не у Волжскаго кургана
Всталъ онъ съ вольницей своей,
Потянуло атамана
На Неву, къ дворцамъ царей...

— «Что народъ морочить зря-то!
Ой, давно сюда я рвусь!
— Приналягте-ка ребята,—
Перепахла гнусью Русь!».

И гудитъ ватага Стеньки
Все грознѣе и звончѣй,
Пересчитаны ступеньки
Лбами царскихъ палачей..

— «Нажимай сильнѣе, братцы!
Ай-да, соколы! Впередь!
Гдѣ царили тунеядцы
Будетъ править самъ народъ!».

Вьется стягъ багряно-красень,
Близокъ-близокъ свѣтлый часъ...
— Нѣтъ, не умеръ Стенька Разинъ,
Духъ свободы не угасъ!

Цѣна 4 руб.

Изд. Т-во С.-Р. «РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ».
Петроградъ, Литейный, 21.